

А есть ли актуальная культура?

Евгений Александрович Попов – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и конфликтологии. Алтайский государственный университет. Барнаул, Россия.

E-mail: popov.eug@yandex.ru

Аннотация. Вопрос о том, есть ли актуальная культура с точки зрения смыслов актуальности, а не только ее пространственно-временной идентификации, вынесен в заголовок статьи. В ней предпринимается попытка исследовать ракурс событийности, а также показать его соотнесенность с культурно-историческим аспектом исследований. Дается оценка достаточно важному тренду в современных социокультурных исследованиях – «пересборке» культурных феноменов. Такой ракурс позволяет в действительности оценить развертывание актуальной культуры с точки зрения ее ценностно-смысловой определенности. В обычных, часто являющихся рутинными исследовательских практиках делается акцент на генезисе явления, его связи с другими феноменами. Однако для изучения актуальной культуры особое значение приобретает то, как через призму, например, агентности, можно показать включенность актуальной культуры в отношения людей и вещей и т.д.

Ключевые слова: актуальная культура, агентность, «пересборка» культурного, ценностно-смысловая определенность.

ВЫПУСКЕ втором журнала «Актуальная культура» за текущий 2024 год была опубликована достаточно интересная статья соавторов З.Г. Мамедалиева, Н.С. Мурашовой и Ж.К. Кениспаева «Актуальная культура: поиск оснований и ивент-ракурс» (Мамедалиев, Мурашова и др. 2024). В ней исследователи не только поднимают вопрос об эвристической значимости и содержательности понятия актуальной культуры, но и в качестве аргументации апеллируют к методу ивент-анализа, который в большей степени нашел применение в социальных науках, но и в гуманитарной области знаний проявляет себя. На самом деле этот метод пришел в науку еще в 1960-е годы, и в общем-то для исследователей он не нов, однако в контексте актуальной культуры он показывает свою состоятельность; целесообразность его использования при изучении *событий/событийности* актуальной культуры вполне, на мой взгляд, себя оправдывает.

Действительно, понятие актуальной культуры звучит как достаточно широкое, вмещающее в себя все более-менее заметные направления развития современной культуры (возможно, от модерна до постмодерна с вкраплениями различных ответвлений между ними, культурных текстов, стилей и кодов и т.д.).

С другой стороны, есть предчувствие, что актуальная культура – это некоторая уступка мощному культурно-историческому дискурсу (контексту), установившему привычную отсылку в происхождении и развитии каких-либо явлений культуры в прошлое и демонстрировавшему прочную связь времен и эпох. То есть по общей практике, исследуя любой культурный или социокультурный феномен, мы должны встраивать его в такой дискурс/контекст. Так правильно и так понятно – происхождение явлений культуры, их генезис, те или иные особенности уходят корнями в прошлое, возможно, в античность или более древние времена, например, первобытные. Но как быть с актуальной культурой? Констатировать ли ее «культурно-историческую ограниченность» с точки зрения происхождения и развития или найти какой-либо компромисс для связи времен? Вопрос достаточно не простой, если иметь в виду, что в слове *актуальная* заложены смыслы, осознаваемые и интерпретируемые из нынешних эпох, а не из прошлых.

«Пересборку» культурных феноменов мы можем осуществлять с опорой на мощный исторический контекст, но актуальная культура развертывается и схватывается иначе. В то же время она не есть исключительно то, что мы можем наблюдать в повседневной жизни и сиюминутно и полагать это состоятельным и главное – *актуальным* культурным феноменом. Как замечают исследователи,

культура прочно укоренена в прошлом, и это – непреложный факт; описывая современные ее явления и процессы, мы все равно видим в них отражение прошлого; но – *stop!* – мы же не ведем речь о чем-то отжившем, сером, превратившимся в слепки с реальности, ведь перед нами культура – и она как никогда актуальна (курсив автора цитаты. – Е.П.) (Hagen 2019: 10).

Разумеется, культура актуальна! Но до какой поры или с какого все же времени? Должны ли мы знать ответ на этот вопрос, чтобы понимать вариативность и уместность «пересборки» культуры до *актуальной*?

Автор приведенной выше цитаты настроен решительно: исследовательница полагает, что человеческая культура как данность (наряду с божественным, космическим, природным и иным) актуальна не только в эпохальном или цивилизационном отношении, но и в субъект/субъективном. В этом смысле эта точка зрения совпадает с позицией другого автора – Терри Инглтона, утверждавшего, что «культура – это форма универсальной субъективности, действующей внутри каждого из нас» (Инглтон 2019: 17). Таким образом, *в центре истории культуры и ее генезисе находится событие, историческое событие, к которому «прикрепляется» культура, порождая многочисленные свои формы и конструкты, а в центре актуальной культуры – субъект (человек, индивид, личность, автор, реципиент, исследователь, эпохальный герой и т.д.).* Такое утверждение проистекает из двух обстоятельств: (1) неизменности антропологического поворота не только в науках, но и в событийности, социальной реальности, а также развитии культуры; (2) преобладающей ценностно-нормативной определенности, при которой объективируется «пересборка» ценностей выживания и самовыражения [по Р. Инглхарту] (Инглхарт 2018). Кроме того, историческое событие как таковое в своей феноменальности и

самодостаточности не обладает ресурсами агентности и самооценивания – оно уже произошло, и лишь отдаленные его отголоски находят продолжение в современности и, вероятно, будут продолжены далее – в будущем. А следовательно, историческое событие относительно «производства» *актуальной культуры* безучастно и лишено статуса «агентности», необходимого для установления рубежей культуры и сопряженности ее форм.

Другое дело – субъект. Ему изначально присуща агентность в силу принадлежности ответственности за поступки и события; надевая актуальную культуру смыслами социальности/поликультурности, он становится ведущим (направляющим) в разворачивании *актуальной культуры*, ее схватывании и «пересборке». Такая «пересборка» субъективируется, т.е. наполняется смыслами, актуальными не для рядового субъекта, а для общностей, групп и поколений.

Для нас имеют значение получившие распространение в современном социально-гуманитарном знании теории агентности, текучести и сопряженная с ними теория интенциональности. О значении данных теорий для понимания не только «пересобираемых» современных социальных явлений и процессов, но и социокультурных изменений с опорой на известный акторно-сетевой подход Бруно Латура (Латур 2014), писали, в частности, Марианна Де Лаэт и Аннмари Мол. Согласно их позиции, в которой особое значение приобретает своеобразный актор – «втулочный насос», он «служит свидетельством того, что акторы не обязательно должны быть людьми. А его история (втулочного насоса. – Е.П.) указывает нам на то, что акторы, технологии (а также имеющие к ним отношение инженеры) могут быть текучими – и это к лучшему» (Де Лаэт, Мол 2017: 222). Описывая текучесть зимбабвийского втулочного насоса, исследовательницы отмечают следующее:

Первый аспект текучести насоса состоит в том, что его границы не являются устойчивыми и четкими. Насос – это механический объект, гидравлическая система, но также и устанавливаемое общиной устройство, фактор здоровья и аппарат строительства нации. Ему принадлежат все эти идентичности – и у каждой свои границы. Когда мы так пишем о втулочном насосе, мы не используем скучную метафору маленького технологического артефакта, окруженного большими социальными средами, по отношению к которым он неизбежно остается чужим (там же: 220).

Экспозиция втулочного насоса не есть данность *актуальной культуры*, однако именно в ней он получает свою «пересборку» и вполне может претендовать на статус социокультурного феномена, но исключительно в границах актуальной культуры. Этот пример (или случай) убедительно демонстрирует, что любой вырванный из реальности предмет, деталь, вещь способны стать агентами и породить агентность как часть *актуальной культуры*. Для этого, бесспорно, нужен агент – вещь или субъект (человек). Мы выбираем субъекта, ибо он и является агентом «пересборки» культуры, становящейся актуальной в силу очерченного в ней субъект/субъективного начала и собственного продолжения. Как полагают некоторые исследователи, «в то время как действие подразумевает активное действующее лицо, некоторую субъективность, событие просто случается как эффект от констелляции действий различных человеческих и нечеловеческих агентов, среды в целом» (Глуховский, Дурнев и др. 2024: 135-136). Закономерно, что так или иначе все актуальные события «просто случаются», возможно по божественному проведению или на основании природного начала, а также будучи предзаданными (априорными, что тоже близко по смыслу божественному либо природному), однако эта их «простота» – совсем иное дело по сравнению со случаем/событием: она оценивается сквозь призму субъекта/субъективного. Расклад таков:

- (1) Агентность – результат конкуренции за пространство и смыслы между человеком (субъектом) и вещью (машиной, техникой, технологией);
- (2) Текучесть – итог стирания границ между ними¹;
- (3) Интенциональность (не совсем в феноменологической трактовке) – погружение в их внутренний мир или их интенции, если иметь в виду, что вещь/предмет таковыми располагает.

Вероятность того, что мы будем иметь дело с феноменом *актуальной культуры*, возрастает от сочетания всех 3-х указанных свойств, однако представляется, что достаточно каждого из них в отдельности для констатации важного факта. Правда, все они характерны для

---

¹ Апеллируя к статье М. Де Лаэт и А. Мол о зимбабвийском втулочном насосе (см.: Де Лаэт, Мол 2017), А.С. Глуховский с соавторами готовы признать, что «таким образом, текучесть – это не просто метафора, а именно социотехническое свойство, характерное только для некоторых устройств и технологий» (Глуховский, Дурнев и др. 2024: 135).

множества социальных явлений, поэтому следует ввести дополнительные критерии для идентификации рассматриваемого объекта. С этой точки зрения предложенный авторами статьи «Актуальная культура: поиск оснований и ивент-ракурс», о которой я упомянул в самом начале настоящего материала, один из таких критериев выглядит достаточно убедительно. Исследователи в этой работе обращают внимание на то, что для *актуальной культуры* характерна

сопряженность традиционных и инновационных ценностных структур; актуальная культура появляется как самостоятельный феномен в результате такой сопряженности и «центрации» ценностей от традиционализма к инновационизму (Мамедалиев, Мурашова и др. 2024: 3).

Традиционализм/инновационизм указывают не на разделение культуры на какие-либо составляющие, а подчеркивают специфическую черту именно актуальной культуры: любой ее элемент или форма включаются в «пересборку» традиционного и инновационного и предстают уже как явления актуальной культуры в силу переходности от одного к другому. Появляется множество вопросов относительно самой возможности отнесения того или иного феномена к феноменам *актуальной культуры*: к примеру, возможно ли отнести антропологический поворот или культурный антропоцентризм к таковым феноменам, а аристотелевская «Никомахова этика» может быть названа феноменом актуальной культуры? Наконец, постмодернизм – таков или не таков? Соответствующий алгоритм для исследовательской работы пока еще вряд ли будет четким и действенным – осмысление самой *актуальной культуры* еще требует серьезного участия научного сообщества для выработки эвристического подхода. На первый взгляд, мы должны оценить степень ценностно-нормативной определенности для отнесения какого-либо феномена к культурным, затем уже необходимо вводить дополнительные критерии, будет ли это текучесть, агентность, ответственность и т.д.

Таким образом, я склонен видеть следующую проблему: *актуальная культура* в своей феноменальности развертывается в неясном измерении (формате), и в этом смысле для ее исследований нет четкого алгоритма. Таким образом, пока на данном этапе рефлексии я

хотел бы разобрать и обсудить различные варианты понимания формы и содержания *актуальной культуры*.

Вариант No. 1: Агентность

(1) Агентность – результат конкуренции за пространство и смыслы между человеком (субъектом) и вещью (машиной, техникой, технологией).

Для актуальной культуры данный ракурс был бы, как мне представляется, наиболее значимым и, возможно, определяющим в ее развертывании. Когда я говорю «развертывание», я имею в виду объективацию или хотя бы приближение к ней. Культура развертывается перед субъектом, обществом и поколениями в «формате» ценностно-нормативной определенности. Можно утверждать: с изменением ценностей и норм мы наблюдаем свертывание/развертывание культуры.

По словам, Р.Г. Д'Андреа, «важно уловить культуру в ее ценностно-нормативной *не*-определенности, чтобы затем развернуть ее в таком измерении, которое было бы важным с точки зрения понимания ее зрелости и величины» (курсив автора цитаты. – Е.П.) (D'Andrade 1984: 101). Но в известной акторно-сетевой теории Б. Латура развертывается сопряжение людей и вещей – кто из них выстоит в системе современных ценностей выживания и самовыражения? Рональд Инглхарт объясняет ключевые позиции именно этих ценностей устойчивостью традиционных культур и стабильностью установок, связанных с модернизацией (Инглхарт 2018). Вместе с тем устойчивость и стабильность – величины относительные; можно ли в системе этих координат предвидеть перспективы конкуренции человека и машины за собственное пространство бытования и развития?

Возможно, один из ответов на этот вопрос лежит как раз в плоскости *актуальной культуры*. Универсальным свойством человека и машины является допущение ответственности/безответственности, субъектности/обезличивания и т.д. Вещь или машина предстают как ответственные атрибуты бытия, если субъект их наделяет таковыми функциями: например, вещь, которая неожиданным образом,

разделяя ответственность с другими, одновременно определяет судьбу человека – украденная вещь, приводящая к судебному приговору; в то же время сама по себе машина или вещь в очереди исполняемых функций безответственны, т.к. управляются буквально одним механическим нажатием кнопки. Как должна или может откликаться *актуальная культура* на такие и подобные им события? Способствуют ли они в конечном итоге разворачиванию *актуальной культуры*? Вариант № 1 – да, способствуют. Посредством агентности, выраженной в повышении социокультурных значений и функций предметов, вещей и механизмов, возможной подмены ими некоторых человеческих компетенций, а также в силу происходящих трансформаций в ценностных кластерах выживания и самовыражения появляются основания для идентификации этих как форм с точки зрения принадлежности к *актуальной культуре*.

Как полагают некоторые исследователи,

социальный мир разрывает противостояние интеллектов, технологий, инженерий, новых ценностных структур и символических образцов, но и для культуры они имеют значение – их осмысление вне культуры отдаляет их еще дальше от человека, и вот это обстоятельство уже чрезвычайно опасно (House, Hanges et al. 2004: 201).

Таким образом, вариант № 1 – агентность дает поводы оценить разворачивание культуры как актуального феномена, если обратить внимание на ценностно-нормативные границы между человеком и вещами.

Вариант No. 2: Текучесть

(2) Текучесть – итог стирания границ между человеком и вещами (*не-человеками*: предметами, технологиями, машинами и т.д.).

Конечно, когда мы готовы обсуждать проблему текучести с позиций *актуальной культуры*, мы должны знать: насколько человек утратил свои функции и смыслы, пошел на уступку некоему *не-человеку* или же обнаружил незащитность перед ним и лишился своих

предписанных природой и обществом значений. Но ответ найти не просто. В конечном итоге всё перетекает в нечто иное – и иногда эти процессы и конечные состояния никак не контролируются и не объясняются. Это тонкие грани материй, смыслов, ценностей и норм, образов и образцов и т.д. Их и так сложно уловить, дескриптивировать, а если еще помнить о текучести, то отследить состояния и меры совершенно невозможно. Однако это вовсе не отменяет необходимости установить, как происходит стирание всегда как будто бы четко очерченных границ между человеком и *не*-человеком. По мысли Г. Мэкера,

меры вещей в социуме и в культуре не совпадают: социальные смыслы поддерживают остро конфликтные состояния, в которых человек растворяется. Культура, пытаясь вернуть человека на поверхность социального мира, не всегда способна это сделать, потому что оценки и ценности растекаются, становятся иллюзорными, теряют основания... (Mecker 2012: 122).

Слово «растекаются» созвучно текучести – общество ей потворствует, меняя социальные, политические и экономические устои и принципы, подстраивая их под чьи-либо интересы и притязания, культура же должна взять на себя дифференцировку человека и *не*-человека, отстаивая прежде всего незыблемость границ человека.

Как полагает В.М. Розин,

начиная со второй половины XX в. можно говорить о тенденции к становлению различных суперорганизмов социальной жизни – лагерей социализма и капитализма («политических метакультур»), экономических зон США, Общего рынка, Японии, Китая и Юго-Восточной Азии («регионально-хозяйственных метакультур»), буддийского, мусульманского, христианского мира («конфессиональных метакультур»), наконец, единого социального пространства Земли («планетарной метакультуры»). Для каждого из этих социальных суперорганизмов характерно (в прошлом или в настоящее время) постепенное формирование общих институтов, становление единых условий хозяйственной и экономической деятельности, сходных структур власти, принятие общих политических деклараций, создание союзов и других политических объединений (Розин 2019: 31).

«Суперорганизмам социальной жизни», о которых ведет речь исследователь, противопоставлены «метакультуры», но внутри этих образований эффекты текучести стирают границы между агентами этих отношений – суперорганизмы (*не-человеки*) и суперорганизмы (человеки) сталкиваются в борьбе за выживание и самовыражение. В этом плане *актуальная культура* позволяет реализовать вариант № 2 – Текучесть в следующем направлении.

Мы станем наблюдать за тем, как меняются «суперорганизмы», забывая о приписанных и предписанных им ценностях и нормах. Феномены цифровой культуры, культуры искусственного интеллекта, культуры «фюзиса» и иные явления и состояния не имеют выраженной ценностно-нормативной определенности; о них нельзя сказать точно, что они выстраивают свою систему ценностей, как это делает человек. *Не-человеки* имеют дело с правилами, их мир может иметь ценностно-смысловую окрашенность только в силу общечеловеческой конвенции, но добиться ее вряд ли возможно в принципе. Не только международные события последнего времени демонстрируют отказ от конвенциональности в социальных, политических и экономических отношениях, но и текучесть об этом напоминает.

Таким образом, вариант № 2 подходит в качестве источника наблюдений за *актуальной культурой* и обобщений ее состояний.

Вариант No. 3: Интенциональность

(3) Интенциональность – погружение во внутренний мир или интенции вещей/предметов (*не-человеков*), если они такими располагает.

Исследователи часто закрепощены взором на то, что мыслится в глобальном масштабе (как, например, сравнением культур и цивилизаций), или, напротив, в микроизмерении (частные случаи этнорегионализма и традиционализма и т.д.). Это «классические» случаи, они популярны, легко проблематизируются, а затем и концептуализируются учеными, к тому же апеллируют к довольно любопытным работам современных авторов – как это происходит с Латуром, Дж.Агамбенем и другими. Но «пересборка» культуры в ее

интенциональности – это взгляд глубоко вниз или высоко вверх, туда, где, кажется, культуры вовсе нет. Разве это так? Там, где взор человека останавливается, а мысль идет вперед – основательный повод отыскать смысл ценностный/культурный/социокультурный. Закономерно, на мой взгляд, что исследователи не должны смутиться руинами, на которых жива культура и еще жив человек; компостом, удобряемым почвы – как отмечается Л.Я. Рахмановой,

этот логический ход ведет нас от руин и пространственной изоляции к буквальным эффектам перегноя, которые имеют социальное измерение и измерение экологическое, укорененное в материальности почв, грязи, гниения и самой жизни. Это распад, который становится отправной точкой возрождения... (Рахманова 2024: 137).

О взаимодействии человека и *не-человеков* – ландшафта и грибов великолепно рассуждает в своей книге Анна Цзин (Цзин 2017). Должны ли мы в таком случае, рассуждая об *актуальной культуре*, «пересобирать» ее через осмысление пустырей, руин, судеб умирающих деревень, зарастающих бурьяном кладбищ, брошенных домов и усадеб и т.д.? Ответ – да, должны, в этом и состоит вариант № 3 – Интенциональность. Абсолютно точно пока что звучит мысль о том, что «универсум общества и культуры создается людьми и без людей существовать не может» (Подвойский 2022: 5). Но где-то рядом уже находятся и другие активные и функциональные субъекты бытия – *не-человеки*; вещи, предметы и технологии могут отодвинуть человека на вторые или даже третьи роли; случится «пересборка» универсума общества и культуры.

При этом важно сформировать направленность на субъект/субъективное, показать, насколько то, что находится, возможно, вдали от человека и не касается его повседневной жизни, может стать определяющим в генезисе исторической культуры и в равной степени актуальной. Вероятно, проблема цивилизационного выбора или исканий рыцарства или воинства – вовсе не вопрос *актуальной культуры*; здесь мы видим, как событие строго очерчено и запечатлено в истории, в умах, на бумаге – прослеживается его генезис с точностью до конкретной исторической даты и географического локуса с перечислением всех участников и раскладкой социальных сил.

Актуальная культура имеет дело с событийностью, протекающей или состоявшейся как будто бы вне времени и пространства или все же локально и пространственно, но не в своей ценностно-нормативной определенности, выходя за ее рамки, формируя свои собственные автономные свойства и функции ее объектов.

Следует признать то обстоятельство, что

актуальное в культуре вовсе не обязательно должно быть выражено вовне, туда, где стоит сонм истолкователей и наблюдателей, чтобы запечатлеть, зафиксировать, осмыслить, оно – актуальное – имеется в самой культуре как интенция составляющих ее атрибутов и величин (Antholz 2010: 88).

Исследователь апеллирует к субъект/субъективному: давайте спросим у истолкователей и наблюдателей, что собой представляет *актуальная культура* и уточним главное – что в ней происходит такого, что вызывает поломки ценностей и норм, «пересборки» смыслов и др.? Можно предположить, что в ней происходит «центрация» ценностей, о которой Аннамария Хаген заявляла, как о «пересборке» ценностных структур человеческого индивидуального и коллективного бытия, но допускала тем не менее, что «центрация» (притягивание и перетягивание) затрагивает и мир вещей (Hagen 2019).

Таким образом, даже без допущения, что *не-человеки*, а равно предметы, вещи, механизмы и технологии, не имеют своего внутреннего мира и соответствующих определяющих их бытие интенций, мы можем включить их в актуальную культуру как факторы риска для «центраций» ценностей выживания и самовыражения.

Заключение

Итак, был вопрос: а есть ли *актуальная культура*? Здесь заслуживают внимания по крайней мере два обстоятельства: (1) феномены *актуальной культуры* могут быть обнаружены в «пересборке» смыслов, социальности, гетерогенности и гомогенности ценностных структур и т.д. через событийность и субъект/субъективное; (2) для регистрации и объективации форм и явлений именно *актуальной культуры*, по-видимому, необходим иной истолкователь и наблюдатель, чем обычный исследователь, рассматривающий и так и этак генезис

каких-либо упорядоченных величин типа культурно-исторических или идеальных типов и т.д. Соответственно для обоих указанных случаев необходимо применение методик анализа, способных в первом приближении провести плотную дифференцировку людей и не-человеков как носителей культуры и ее многогранных смыслов.

Список источников

Глуховский А.С., Дурнев А.Д., Чирва Д.В. Распределенная моральная ответственность в сфере искусственного интеллекта // Этическая мысль. 2024. Т. 24. № 1. С. 129-143. DOI: 10.21146/2074-4870-2024-24-1-129-143

Де Лаэт М., Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Логос. 2017. Т. 27. № 2. С. 171-232. DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-171-228

Иглтон Т. Идея культуры. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 192 с.

Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как изменяется мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

Мамедалиев З.Г., Мурашова Н.С., Кениспаев Ж.К. Актуальная культура: поиск оснований и ивент-ракурс // Актуальная культура: научный сетевой журнал. 2024. № 2. С. 1-18. URL:<http://journal.asu.ru/cc/article/view/15438>

Подвойский Д.Г. В объятьях картонных богов: о магии имен, силе слов и фетишизме символического в социальной жизни. Часть I // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 3-20. DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2301

Рахманова Л.Я. «Паттерн удаленности» и жизнь на руинах: повседневность и туризм в Томской области // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. № 27(2). С. 116-151. DOI: 10.31119/jssa.2024.27.2.5.

Розин В.М. От традиционного понятия «культура» к различению понятий «культура модерна», «культура европейской

цивилизации», «посткультура», «креативные культуры», «фьюче-культура» // Мир психологии. 2019. № 3(99). С. 23-35.

Цзин А. Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 376 с.

Antholz I. Ein Paradigma von Werten, auf die sich alle freuen. Bonn: Universität Bonn, 2010. 179 p.

D'Andrade R.G. Cultural Meaning Systems // Shweder R.A., Levine R.A. Cultural Theory. Essays on Mind, Self and Emotion. Cambridge; L., N.Y.; New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 1984. P. 88-115.

Hagen A. How to Engage in Practices of Critique? From a Universal Conception of the Good Life to the Contestation of Universals // Krisis. 2019. № 1. P. 2-14.

House R.J., Hanges P.J. et al. Culture, leadership and organizations: The GLOBE study of 62 societies. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2004. 848 p.

Mecker G. Kulturkrise: Einschätzungen von Zuständen und Wandlungen von Werten und Normen. Berlin: Neue Kultur, 2012. 239 p.

Is there an actual culture?

Evgeny A. Popov – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Conflictology. Altai State University. Barnaul, Russia.

E-mail: popov.eug@yandex.ru

Abstract. The question of whether there is an actual culture in terms of relevance, and not only its spatial and temporal identification, is included in the title of the article. It attempts to explore the perspective of eventfulness, as well as to show its correlation with the cultural and historical aspect of research. An assessment is given of a rather important trend in modern socio-cultural research – the "reassembly" of cultural phenomena. Such an angle allows us to actually assess the deployment of an actual culture from the point of view of its value-semantic definition. In ordinary, often routine research practices, emphasis is placed on the genesis of the phenomenon, its connection with other phenomena. However, for the

study of actual culture, it is of particular importance how, through the prism of, for example, agency, one can show the inclusion of actual culture in the relations of people and things, etc.

Key words: actual culture, agency, cultural "reassembly", value-semantic certainty.

References

Glukhovskiy, A.S., Durnev, A.D., Chirva, D.V. (2024) Distributed moral responsibility in the field of artificial intelligence. *Eticheskaya mysl'*. Vol. 24. No. 1. P. 129-143. DOI: 10.21146/2074-4870-2024-24-1-129-143

De Laet, M., Mol, A. (2017) Zimbabwean sleeve pump: mechanics of fluid technology. *Logos*. Vol. 27. No. 2. P. 171-232. DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-171-228

Eagleton, T. (2019) *The idea of culture*. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics. 192 p.

Inglehart, R. (2018) *Cultural evolution. How human motivations change and how the world changes*. Moscow, Mysl Publ. 347 p.

Latour, B. (2014) *The reassembly of the social: an introduction to actor-network theory*. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics. 384 p.

Mammadaliev, Z.G., Murashova, N.S., Kenispaev, Zh.K. (2024) Actual culture: search for foundations and event perspective. *Actual culture: scientific network journal*. No. 2. P. 1-18. URL: <http://journal.asu.ru/cc/article/view/15438>

Podvoyskiy, D.G. (2022) In the arms of cardboard gods: about the magic of names, the power of words and the fetishism of the symbolic in social life. Part I. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. No. 4. P. 3-20. DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2301

Rakhmanova, L.Ya. (2024) "The pattern of remoteness" and life in ruins: everyday life and tourism in the Tomsk region. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. No. 27(2). P. 116-151. DOI: 10.31119/jssa.2024.27.2.5.

Rozin, V.M. (2019) From the traditional concept of "culture" to the difference between the concepts of "modern culture", "culture of European civilization", "postculture", "creative cultures", "future culture". *Mir psihologii*. No. 3(99). P. 23-35.

- Jing, A. (2010) *Mushroom at the edge of the world. On the possibility of living on the ruins of capitalism*. Moscow, Ad Marginem Press. 376 p.
- Antholz, I. (2010) *Ein Paradigma von Werten, auf die sich alle freuen*. Bonn, Universität Bonn. 179 p.
- D'Andrade, R.G. (1984) Cultural Meaning Systems. In: Shweder R.A., LeVine R.A. *Cultural Theory. Essays on Mind, Self and Emotion*. Cambridge; L., N.Y.; New Rochelle, Melbourne, Sydney, Cambridge University Press. P. 88-115.
- Hagen, A. (2019) How to Engage in Practices of Critique? From a Universal Conception of the Good Life to the Contestation of Universals. *Krisis*. No. 1. P. 2-14.
- House, R.J., Hanges, P.J. et al. (2004) *Culture, leadership and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. Thousand Oaks, CA, Sage Publications. 848 p.
- Mecker, G. (2012) *Kulturkrise: Einschätzungen von Zuständen und Wandlungen von Werten und Normen*. Berlin, Neue Kultur. 239 P.

Статья поступила 18.07.2024
Принята к публикации 30.09.2024